

ЛАКЕР

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Олег Павитров

Лакер

<https://litres.ru/74575258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семён Савельев — обычный двадцатисемилетний парень из небольшого города. Работа, дом, редкие посиделки с другом и никаких особых перспектив.

Но за один вечер всё рушится: увольнение, алкоголь, случайный лотерейный билет и ДТП.

А потом выясняется, что забытый билет выиграл сто миллионов рублей.

Казалось бы, вот она — удача. Но пока Семён пытается прийти в себя и понять, что делать с внезапным богатством, вокруг билета уже появляются люди, готовые на угрозы, слежку и преступление ради чужого выигрыша.

Теперь Семёну придётся выяснить, действительно ли ему невероятно везёт — или за каждую удачу однажды приходится платить.

Первая книга приключенческой серии «Лакер».

Содержание

Часть I. Падение	5
Глава 1. Обычный день, который всё испортил	5
Глава 2. Мамин звонок	11
Глава 3. Дорога, которая всегда была безопасной	13
Глава 4. Марина запоминает	17
Глава 5. Перезагрузка	20
Глава 6. Жизнь, которая идёт мимо	25
Часть II. Охота	29
Глава 7. Гвоздь	29
Глава 8. Точка Муслима	36
Глава 9. Марину ломают	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Олег Павитров

Лакер

ЛАКЕР

Олег Павитров

Часть I. Падение

Глава 1. Обычный день, который всё испортил

Я не герой. Сразу говорю.

Меня зовут Семён Савельев, мне 27 лет, и я живу в городе, где из развлечений — «Пятёрочка», пивнуха и разговоры о том, как «раньше было лучше». Колледж я закончил, как все нормальные люди, только вот работаю не по специальности. Я менеджер по продажам медицинского оборудования. Звучит солидно, а по факту — втюхиваю железки больницам и частникам, которые сами не знают, что им надо.

Живу с мамой. Не потому что маменькин сынок, а потому что с нашими зарплатами отдельная квартира — это не цель, а фантастика уровня полёта на Марс.

Из друзей — Санёк. Тоже менеджер, тоже неудачник, но свой. У него хотя бы есть двушка от бабки, куда можно завалиться в пятницу и убить пару бутылок, обсуждая, какие мы невъебенно перспективные, просто жизнь нас пока не заметила.

Девушки нет. В поиске.

Планы? Ну... как у всех:

квартиру бы;
работу попроще;
денег побольше;
и чтобы кто-то ждал дома.

В общем, обычный человек. Ни хуже, ни лучше.
И вот эта пятница ничем не отличалась... почти.
27 декабря. Конец года. Конец квартала.

А это значит — жопа.

Генеральный с утра уже был не в духе. Даже не поздоровался, просто прошёл мимо, как будто мы все ему денег должны. Закрылся у себя и начал кому-то названивать. По голосу было понятно — кому-то сейчас пиздец.

Я сидел, делал вид, что работаю, но внутри уже было тревожно. Потому что если генеральный злой — это не просто так. Это значит, кто-то где-то накосячил.

И, как оказалось, этот кто-то — я.

Дверь его кабинета резко открылась:

— Савельев! Ко мне. И отчёт по «Медтехнике» захвати.

У меня внутри всё сжалось.

«Медтехника» — это моя боль.

Самый ебанутый клиент, с которым мне приходилось работать:

вечно путают заказы;

меняют спецификации на ходу;

задерживают оплату;

и при этом делают вид, что это мы им должны.

Я уже знал — сейчас будет неприятно.

Зашёл.

— Вызывали, Игорь Николаевич?

Он сначала даже не посмотрел. Потом поднял глаза:

— Савельев... чем занимается наша компания?

Я завис.

— Эээ... ну... мы...

— Чем. Занимается. Наша. Компания?

— Мы продаём медицинское оборудование...

Он резко встал.

— Вот именно. ПРОДАЁМ!

Он почти орал.

— Не раздаём. Не дарим. Не в благотворительности участвуем. ПРОДАЁМ!

Я стою как школьник у доски.

— Скажи-ка мне... на какую сумму ты заключил последний контракт с «Медтехникой»?

— Ну... не совсем я... там... согласование было...

— СКОЛЬКО?

— Ну... около десяти миллионов...

Он усмехнулся. Нехорошо так.

— Отлично. Просто блядь прекрасно.

Пауза.

— А теперь скажи... ты проверку контрагента делал?

И вот тут у меня внутри всё провалилось.

Проверка — моя обязанность.

И я её... не сделал.

Потому что:

Пятница. Вечер.

Санёк рядом: «Да забей, это же “Медтехника”. Чё ты как первый раз? Давай быстрее, водка греется».

Я и махнул рукой.

— Я... собирался...

— ОНИ БАНКРОТЫ, СУКА!

Он ударил ладонью по столу.

— У них счета арестованы уже ДВЕ НЕДЕЛИ!

А вы, долбоёбы, отгружаете им оборудование БЕЗ ПРЕД-ОПЛАТЫ!

У меня в ушах зазвенело.

Десять миллионов.

Без оплаты.

Я.

Сделал.

Эту.

Херню.

— В общем, так, Савельев.

Он резко успокоился. И это даже хуже.

— Вот бумага. Вот ручка.

Кинул на стол.

— Пиши заявление по собственному.

Я стоял.

— И чтобы в понедельник тебя здесь не было.

Пауза.

— Всё. Свободен.

Я вышел из кабинета как во сне.

Сел за стол.

Посмотрел на монитор.

Ничего не видел.

Только одна мысль:

«Меня только что выкинули из жизни».

Санёк подошёл:

— Чё он орал-то?

Я спокойно, даже слишком:

— Да похуй. Уволил меня.

— В смысле?

— В прямом. Медтехника банкрот. Мы им на десять лямов оборудования отгрузили.

Санёк замолчал.

В офисе вообще тишина стала. Такая... вязкая. Все делают вид, что работают, но каждый думает: «Лишь бы не я следующий».

Я начал собирать вещи.

Медленно.

Мышку снял.

Кружку убрал.

Блокнот.

И внутри пусто. Вообще.

— Сань...

— А?

— Погнали нажрёмся.

Он даже не думал долго:

— Через полчаса внизу.

— Ок.

И вот в этот момент, сам того не понимая, я уже сделал первый шаг к тому, что перевернёт всю мою жизнь. Только тогда я этого ещё не знал...

Глава 2. Мамин звонок

Телефон завибрировал, когда мы с Саньком уже выходили из офиса. На экране высветилось: мама.

Я смотрел на это слово и не нажимал ни зелёную трубку, ни красную. Просто держал телефон в руке, пока он не перестал дрожать. Потом пришло сообщение: «Сём, ты сегодня во сколько? Картошку пожарила».

И вот от этого стало почему-то хуже, чем от ора генерального.

Потому что генеральный орал про деньги, контракты и банкротов. А мама ждала меня домой с жареной картошкой. В её мире я всё ещё был нормальным взрослым сыном, который ходит на работу, приносит зарплату и иногда ворчит, что жизнь несправедлива. В её мире меня ещё никто не выкинул с работы под Новый год.

— Кто там? — спросил Санёк, закуривая у входа.

— Мать.

— Возьми.

— Не сейчас.

Он посмотрел на меня уже без привычной ухмылки.

— Сём, ей всё равно сказать придётся.

— Вот завтра и скажу.

— Завтра ты будешь с похмелья.

— Значит, послезавтра.

Я убрал телефон в карман и почувствовал себя последней сволочью. Не потому что не ответил. А потому что на секунду мне стало легче от мысли, что можно отложить правду хотя бы на вечер.

Мы пошли к продуктовому. Снег падал редкими мокрыми хлопьями, под ногами была каша, в витринах отражались люди, которые куда-то спешили с пакетами и подарками. Весь город готовился к празднику. А у меня праздник отменили.

И где-то внутри появилась тупая, очень простая мысль: если сегодня напиться достаточно сильно, то завтра наступит не сразу.

Через полчаса мы уже стояли у полок.

Внутри было всё равно. Как будто меня выключили.

— Чё брать будем? — спросил Санёк.

— Две поллитры.

— Сразу с козырей.

— Ага.

Взяли:

две бутылки «Талки»;

нарезку колбасы;

сыр;

хлеб;

какую-то хуйню на закуску.

Классический набор человека, у которого жизнь пошла по пизде.

Глава 3. Дорога, которая всегда была безопасной

У Санька мы накидались нормально.

Не в хлам сразу, а по классике: сначала «по чуть-чуть», потом «давай ещё по одной», потом уже никто не считает.

Квартира у него была старая, бабкина: ковёр на стене, шкаф, который пережил СССР, и кухня, где всё пропахло временем и сигаретами. Но нам было норм.

— Да не парься ты, — говорил Санёк, наливая очередную.
— Найдёшь работу.

— Где? — усмехнулся я. — У нас тут сарафанное радио быстрее интернета работает. Завтра уже весь город будет знать, что я десять лямов в жопу слил.

— Ну не ты же один...

— Да похуй. Подписывал-то я.

Пауза.

— Всё, не хочу об этом.

— Тогда давай за новую жизнь.

— Давай.

Чокнулись.

Где-то после... я не знаю какой по счёту, всё стало мягким. Звуки — как через вату. Мысли — обрывками. Настроение — странно спокойное. Вот эта стадия, когда уже всё равно.

И, конечно, нам не хватило.

Собрались и пошли по уже знакомому маршруту в продуктовый, благо он до 22:00 работает.

Взяли ещё две поллитры «Талки» и ещё чего-то по мелочи, что подсказывала наша пьяная фантазия.

На кассе сидела та же девчонка, что обслуживала нас раньше.

Подшофе у меня открывался дар пиздабола-удивлителя: мог легко общаться на разные темы, шутить, рассказывать анекдоты — в общем, становился душой компании. В этот раз я сделал стойку на кассиршу.

— Девушка, вы как солнце в этом тёмном месте. Как вас зовут? Скажите скорее, а то я ослепну, глядя на вас.

В общем, понёс какую-то чепуху, видя взаимный интерес.

— Меня зовут Семён, можно просто Сёма. А как зовут такую замечательную девушку?

Она улыбнулась.

— Марина.

— Вот и замечательно, Мариночка. Жаль, что вы на работе, а мы уже как бы отдыхаем. Надо эту несправедливость исправить. Давайте обменяемся телефонами, чтобы поскорее продолжить знакомство. Обещаю, это будет незабываемо.

Она продиктовала свой номер мобильного.

Рядом нетерпеливо бил копытом Санёк.

— Сёма, водка греется. Давай пошли уже.

Я достал мятые тысячные из кармана.

Марина улыбнулась:

— Возьмите на сдачу лотерейный билет? «Рлото», сейчас хорошие выигрыши...

Я завис.

Лотерея?

Смешно.

Но потом подумал:

А хули нет?

— Давай.

Она протягивает билет.

— Розыгрыш в приложении, всё сразу увидите.

Я кивнул и закинул билет в портфель, куда уже сунул водку и нехитрую снедь.

И забываю.

— Мариночка, во сколько вам позвонить?

Она хохочет.

— Ну, если ещё тёплые будете, то в 22:15 звони.

Санёк тянет меня к выходу, я посылаю воздушный поцелуй.

Если бы я тогда знал...

Я бы этот билет зубами держал.

Спустя два часа.

— Оставайся, — сказал Санёк, когда я начал обуваться.

— Куда ты попрёшься?

— Домой пойду.

— Да ты еле стоишь.

— Дойду.

Портфель я оставил у Санька — даже не вспомнил о нём.

И вот это было тупое упрямство. Не логика, не разум.

Просто: «надо домой — значит домой».

На улице холод ударил в лицо, но мне даже приятно стало.

Снег. Тишина. Фонари. Город как будто вымер.

До дома — вообще ни о чём: одну дорогу перейти, потом по тротуару, и через 10–15 минут ты уже в своей пятиэтажке. Я эту дорогу сто раз проходил. Она не могла подвести. Но в этот раз — подвела.

Я помню только момент. Не саму машину. Не звук двигателя. Ничего такого. Просто — вспышка. Удар. И всё. Темнота.

Глава 4. Марина запоминает

Марина потом вспоминала тот вечер не как что-то особенное, а как очередную смену, которая никак не хотела заканчиваться.

До Нового года оставались дни, люди шли злые, торопливые, с красными лицами от мороза и от собственной важности. Одни покупали шампанское ящиками, другие пересчитывали мелочь у кассы и брали самый дешёвый хлеб. Марина уже ненавидела звук сканера, писк терминала и фразу «пакет нужен?», которую произносила за день сотни раз.

Когда Семён с Саньком зашли второй раз, она заметила их сразу. Не потому что они были какие-то особенные. Таких было полгорода: уставшие, выпившие, шумные, с видом людей, которые сегодня решили окончательно послать жизнь подальше.

Но Семён улыбался иначе. Глупо, пьяно, слишком широко, зато без той грязной липкости, которую Марина привыкла видеть у мужиков после девяти вечера. Он нес какую-то чушь про солнце в тёмном месте, путал слова, торжественно кланялся у кассы и выглядел одновременно жалко и смешно.

Она засмеялась не потому, что он был остроумным. Просто за всю смену это был первый человек, который смотрел на неё не как на часть кассового аппарата.

— Марина, — сказала она, когда он спросил имя.

— Мариночка, — повторил он так, будто это было имя какой-то актрисы.

Санька рядом уже тянуло к выходу, водка в пакете действительно «грелась», очередь сзади начинала раздражённо сопеть, а Марина вдруг поймала себя на том, что ей не хочется, чтобы этот идиот сразу уходил.

Лотерейные билеты лежали возле кассы уже неделю. Начальник велел предлагать на сдачу, потому что партию привезли «на пробу», а люди брали плохо. Марина сама не верила ни в какие выигрыши. Но билет протянула почти машинально.

— Возьмите на сдачу лотерейный билет? — сказала она.
— «Рлото», сейчас хорошие выигрыши.

Семён посмотрел на билет, потом на неё.

— А хули нет?

Она тогда даже не поняла, что запомнила эту секунду слишком хорошо: его лицо, мятые купюры, чёрный портфель, в который он сунул водку, закуску и билет.

Марина потом не раз вспоминала, как буднично протянула ему тот билет.

Анонс в утренних городских новостях: шокирующая новость — состоялся очередной розыгрыш «Рлото». Наконец-то суперприз — 100 000 000 рублей — был разыгран. Счастливый билет приобрели в нашем городе. С нетерпением приглашаем счастливчика в студию — дать интервью, поделиться радостью от выигрыша, рассказать о себе и своих

планах.

Глава 5. Перезагрузка

Первое, что я почувствовал — это запах. Больничный. Вот этот противный: лекарства, пластик, хлорка и ещё какая-то херня. Потом — боль. Везде. Как будто меня разобрали на части, а потом собрали обратно кривыми руками.

Мысли появлялись медленно. Как будто кто-то их загружал по одной.

«Я жив»

«Где я?»

«Что произошло?»

Я попытался открыть глаза — не получилось. Что-то мешало. Попробовал пошевелиться — тоже хер. Руки не слушались. Ног не чувствовал. И вот тут началась паника. Аппарат рядом со мной запищал чаще. Я его не видел, но слышал. Пик... пик... пик... Часто. Слишком часто.

Дверь открылась.

Женский голос:

— Ну и кому тут не ложится?

Я прохрипел:

— Наверно... мне...

Она подошла ближе.

— Очнулся, значит. Уже хорошо.

— Что... со мной?

— Да нормально всё с тобой. Живой же.

— Я... целый?

— Ну почти.

Она говорила это так спокойно, как будто речь шла про разбитую кружку.

— Тебя машина сбила, — продолжила она. — По касательной. Повезло: тебя отбросило в снег, а не под колёса.

— В смысле повезло?

— В прямом. При таком ДТП могло быть намного хуже.

Да уж.

Повезло.

Вот это поворот.

— ЧМТ у тебя, — добавила она. — Рука сломана. Ушибы везде, где можно. Но в целом — лакер.

Я молчал. Переваривал.

— Зовут тебя как?

— Семён... Савельев...

— Ага. А то ты у нас тут безымянный лежал.

— Телефон... где?

— Не было при тебе ничего.

Я закрываю глаза.

Мама.

— Надо... маме сказать...

— Скажем. Не дёргайся только.

Пауза.

Я лежу. Слушаю, как что-то плачет.

И вдруг...

«Меня же уволили»

Эта мысль резанула как ножом.

— Бля... — тихо выдыхаю.

— Что ещё?

— Меня... с работы... попёрли...

Она усмехается:

— Ну, значит, есть время полечиться.

— Перед новым годом...

— Да у нас тут половина перед новым годом оказывается,

— пожимает плечами. — Ты не уникальный.

— Какое число?

— 28 декабря.

Сутки. Всего сутки прошло. А ощущение — как будто жизнь уже развалилась на куски.

Маме позвонили утром.

Не из полиции, не из морга — и уже за это потом она благодарила всех богов, в которых толком не верила. Позвонили из больницы. Голос был усталый, женский, официальный.

— Вы родственница Савельева Семёна Викторовича?

Мама потом рассказывала, что в этот момент у неё внутри всё остановилось. Чайник на плите свистел, на столе лежала недочищенная картошка, телевизор бормотал про утренние новости, а она стояла с телефоном и уже знала: сейчас скажут что-то плохое.

— Мать, — ответила она. — Что с ним?

— Ваш сын поступил после ДТП. Жив. Состояние ста-

бильное.

Слово «жив» она услышала первым. Всё остальное — потом. Стабильное, травмы, наблюдение, документы, приехать, иметь при себе паспорт, привезти сменную одежду, тапочки и посуду. Слова падали одно за другим, но смысл доходил не сразу.

Она выключила газ, не попав по ручке с первого раза. Потом вернулась, выключила ещё раз, хотя уже выключила. Накинула пальто поверх домашней кофты, сунула паспорт в сумку, вышла из квартиры и только на лестнице поняла, что забыла ключи. Вернулась. Закрыла дверь. Снова проверила. Ещё раз.

В такси она сидела молча. Водитель что-то говорил про пробки, про снег, про то, что перед Новым годом народ совсем дурной стал. Она не отвечала.

В больнице пахло тем самым запахом, от которого у людей сразу становятся тихими голоса. Её провели в отделение, долго не пускали, потом всё-таки разрешили посмотреть издалека.

Семён лежал бледный, перемотанный, с закрытыми глазами. Не похожий на того взрослого мужика, который ещё вчера ворчал на работу и разбрасывал носки под стулом. В этот момент он снова стал для неё маленьким мальчишкой, который когда-то разбил коленку и пытался не плакать.

Она стояла у двери и держалась за косяк.

— Он очнётся? — спросила она.

— Должен, — ответила медсестра. — Сейчас главное — покой.

Мама кивнула.

Покой.

Только покоя уже не было. Ни у него, ни у неё.

Глава 6. Жизнь, которая идёт мимо

Больница — это странное место. Тут нет времени. Ну, точнее, оно есть, но течёт как-то криво. Сначала кажется, что прошло часа три. Смотришь на часы — прошло двадцать минут. Потом наоборот — вроде только закрыл глаза, а уже вечер.

Я лежал и учился снова быть человеком. Сначала — пальцы: пошевелил, проверил, работают. Потом кисть, потом плечо. Каждое движение — как будто не моё.

Рядом периодически шуршал сосед. Тоже весь перемотанный. Мы сначала просто лежали. Слушали аппараты: пик... пик... пик... Как будто два поломанных механизма на ремонте.

Вечером снова пришла медсестра:

— Ну что, герой, оживаешь?

— По чуть-чуть.

— Отлично. Значит, скоро начнёшь ныть.

— Я уже начал.

Она усмехнулась:

— Болит?

— Всё.

— Это нормально.

— Когда перестанет?

— Когда забудешь, как было без боли.

Обнадёжила!

Она проверила капельницу, записала что-то и остановилась:

— Слушай, тебя тут уже спрашивали...

Я напрягся:

— Кто?

— Да какие-то... не родственники. Не врачи...

— И?

— Я сказала, что ты без сознания и никого не принимаешь...

Внутри что-то ёкнуло:

— Как выглядели?

— Обычные... но... не очень приятные...

— В смысле?

— В смысле, что я бы с такими ночью в лифт не зашла!

Я промолчал. Мало ли кто мог спрашивать.

Соседа звали Валера.

Он представился на третий день, когда понял, что я уже способен не только хрипеть, но и отвечать словами. До этого мы общались звуками: он кашлял, я матерился; он ворочался, я шипел от боли; медсестра заходила и называла нас «два богатыря».

— За что тебя-то так? — спросил он вечером.

— Машина.

— Пьяный?

— Было дело.

— Значит, повезло.

— Все почему-то так говорят.

Валера усмехнулся. У него был перебинтован бок и лицо человека, который видел жизнь не только с нормальной стороны. Он попал сюда после какой-то уличной драки, но рассказывал об этом так, будто просто неудачно поскользнулся.

— Тут, брат, главное — понять, кто к тебе ходит, — сказал он.

— В смысле?

— В прямом. В больнице человек как товар на складе. Лежишь, сам ничего не можешь, а вокруг все ходят. Родные, врачи, чужие. Если что-то надо украсть, узнать, подсунуть — самое место.

Я повернул голову. Шея тут же отозвалась болью.

— Ты сейчас меня успокаиваешь?

— Я вообще оптимист.

Он замолчал, потом добавил:

— К тебе уже приходили какие-то. Пока ты без сознания был. Медсестра отшила. Я краем глаза видел. Не родня.

— Какие?

— Обычные. Самые неприятные люди обычно выглядят как обычные.

Я хотел спросить ещё, но в коридоре послышались шаги, и Валера закрыл глаза, притворяясь спящим. Делал он это слишком быстро, слишком привычно.

Тогда я впервые подумал, что больница не просто место,

где меня чинят. Это ещё и место, где меня можно найти.

Часть II. Охота

Глава 7. Гвоздь

У каждого населённого пункта есть две власти: одна официальная, другая — криминальная.

В Среднехолмске вторую власть держал криминальный авторитет Гвоздь. Когда-то он подавал надежды как боксёр: кандидат в мастера спорта, выступал за сборную области. Но здоровье было дороже, а бокс приносил мало денег.

Гвоздь занялся бизнесом. Дело прогорело, партнёр попытался скрыться с остатками денег. Его нашли, избили при разговоре, и от полученных травм он умер. Гвоздю дали восемь лет. Старые связи среди спортсменов помогли, но срок всё равно пришлось отбывать.

В колонии Гвоздь сошёлся с авторитетом, показал себя с «правильной» стороны и через шесть лет вышел по УДО уже другим человеком, с чётким планом. Вместе со старым другом Лысым, тоже бывшим боксёром, он собрал небольшую банду. Они грабили награбленное, а проще говоря — крышевали за плату ларёчников и владельцев маленьких магазинов.

Место, конечно, пустым не было. Но Гвоздь оказался хорошим организатором и переговорщиком, да и в многочис-

ленных разборках ему везло. Десять лет назад он окончательно подмял под себя мелкие банды и расставил своих бригадиров. С тех пор система работала как предприятие: «подшефные» исправно платили оброк, а чужих гастролёров Гвоздь отслеживал и жёстко наказывал, если те действовали без разрешения.

С официальными властями и полицией сохранялся нейтралитет. Гвоздь не лез на их поляну и по-своему даже поддерживал порядок. Мэр принимал существующее положение: худой мир лучше доброй войны. В городе установился статус-кво.

Гвоздь не любил суету... Суетятся те, кто не контролирует ситуацию... Он контролировал... Он сидел у себя в кабинете: просто стол, стул, бутилированная вода, минералка и тишина...

В обед позвонил Лысый — правая рука Гвоздя, старый друг и специалист по принуждению непокорных к миру.

— Привет. Новости смотрел?

— Нет. А что там такого, что нас касается?

— Прикинь, какой-то лох выиграл джекпот — сто лямов.

Во фартануло!

Гвоздь задумался. Для их города сто миллионов — большие деньги. Он даже прикинул, куда их можно направить.

— Ну и что предлагаешь?

— Как что? Забрать билет у лоха и поделить между братвой. Погуляем, прибрахлимся, наши проблемки порешаем.

— Подъезжай в офис к четырём. Я ещё кое-кого приглашу. Посидим, подумаем.

Гвоздь сбросил вызов и нашёл в телефоне номер специалиста по компьютерным технологиям.

— Алло, привет. Подъезжай сегодня к четырём в офис. Одно дельце наклёвывается, похоже, по твоей специальности. Жду.

К назначенному времени все собрались. Лысый и приглашённый специалист сели напротив Гвоздя. На столе стояли лишь вода и минералка: хозяин кабинета был сторонником минимализма и здорового образа жизни.

— Ну что, Лысый, рассказывай, кто там и какие сто лямов.

Лысый развернул планшет так, чтобы всем было видно, и включил сюжет дневных новостей. В городе купили билет, выигравший джекпот в сто миллионов рублей.

Гвоздь посмотрел на обоих:

— Какие мысли?

— Да какие мысли, — сказал Лысый. — Найти человека, мужика или бабу, и забрать билет.

— А как найдёшь? Население под двести тысяч. Где искать будешь?

Лысый почесал голову:

— Не знаю. Вон специалист сидит, может, он подскажет.

Сивый задумался.

— Сначала надо выяснить, где продают эти лотерейки. Как там их... «Рлото»? Пройтись по точкам, поговорить, со-

брать информацию. Тогда будет от чего отталкиваться.

Гвоздь обдумал предложение. Подельники терпеливо ждали: он умел быстро оценить обстановку и найти выход.

— Сколько времени нужно, чтобы обойти все точки?

— Сегодня суббота. За воскресенье пройдемся, к понедельнику уже что-нибудь узнаем.

— Добро. Выясните, где продают билеты. В понедельник соберемся, подведем промежуточные итоги.

В понедельник вечером все трое снова собрались в кабинете. Лысый доложил:

— Короче, «Рлото» у нас начали продавать недавно. Городской распространитель закупил пробную партию и передал только в один продуктовый. Больше нигде билетов не было.

— Это сужает круг, — заметил Гвоздь и повернулся к Сивому. — Что теперь думаешь?

— Подключиться к камерам, а лучше забрать архив у администратора магазина. Прогоню записи: когда билеты завезли, кто подходил, кто покупал. У хозяина узнаем, сколько штук продали, спросим кассиров и начнем работать по этому кругу.

— Добро. Как получишь информацию — сразу докладывай. Лысый, как всегда, обеспечишь силовую часть, если по-хорошему с хозяином не получится. Сивый, постарайся быстрее определить счастливого. Встретимся после новогодних праздников: раньше всё равно никого не соберешь.

После праздников троица снова собралась у Гвоздя.

— Рассказывайте. Проблемы были?

— Да какие проблемы! — ответил Лысый. — Наши подошли, попросили помочь хорошим людям. Сказали, что архив посмотрят и вернут, ломать ничего не будут. Всё сразу и отдали. С хозяином точки тоже перетёрли.

— Под кем она, кстати?

— Под Муслимом.

— Понятно. И что, посмотрели?

— Да, — ответил Сивый. — Куплено всего пять билетов. Сверим время, выясним, кто что брал, и быстро пробьём.

— Жду результатов.

На следующий день Сивый уже показывал Гвоздю фотографию с камер наблюдения.

— Ну что, чем порадуешь?

— Предположительно, билет купил вот этот парень. Мы его быстро пробили: сейчас в больнице лежит. С работы турнули, он с горя наклюкался с другом и попал под машину. Надо выяснить, где билет: на работе, дома или при нём в больнице.

— Значит, больница, дом или работа, — перечислил Гвоздь. — Ни одного варианта не исключаем. Мало ли где он успел поболтаться.

Он помолчал, продумывая план.

— Смотри, Лысый. Про парнягу, скорее всего, и власти, и менты уже знают. Если он исчезнет, на нас сразу пальцем

покажут. Надо сделать так, чтобы нас не заподозрили. Найди пару наркоманов, которых официально с нами никак не свяжут. Через них вытряхнем у парня билет. Потом дадим им двойную дозу, и о них никто больше не вспомнит. Нет человека — нет проблем, как говорил товарищ Сталин.

— А кто проверит больницу, офис и квартиру? — спросил Лысый.

— Пошли кого-нибудь поумнее. Чтобы не били всех в лоб, а действовали по-хитрому.

— В квартире устроим ограбление: перетряхнёте всё и найдёте билет. Дальше будем думать, что делать с парнягой. Может, вообще ничего: без билета он никому не интересен. Не жил богато — и нехер начинать. Пока ищем билет. Если не найдём, подключим тех двух гавриков.

— План такой, Лысый: пару человек отправь в квартиру — вскрыть и прошмонать всё. Ещё пару — в офис. Устройте срабатывание пожарной сигнализации или задымление, чтобы все вышли на улицу. Проверьте рабочее место парня: вряд ли туда уже кого-то посадили. Завтра соберёмся, расскажем, что получилось.

На следующий вечер Лысый доложил:

— Дома голяк. В офисе тоже пусто. Зря шухеру навели, людей подёргали, мать всполошили. Билета нет. Скорее всего, он либо спрятал его, либо билет остался с вещами в больнице.

— Тогда пошли людей в больницу. Пусть аккуратно про-

верят камеру хранения, где лежат вещи поступивших. Если там не найдут — надо кого-нибудь заслать в палату.

— Это надо обдумать. Слышь, Лысый, а как ты вычислил парня среди тех пятерых?

— Да история простая. Он с продавщицей разговаривал, с молоденькой девчонкой. Понравился ей, она его запомнила. Обещал вечером позвонить или прийти, а сам пропал. Девчонка расстроилась, гадом его называла. Мы её разговорили и всё выяснили.

Гвоздь задумался.

— Надо отправить её к нему в больницу. Будто он ей понравился и она сама его разыскала. Глядишь, и билет найдёт.

— Послать-то можно, — заметил Лысый. — Но ей же потом платить придётся? И как у неё билет забирать?

— Не переживай. Позвоню Муслиму, он устроит ей проверку и нарисует недостачу тысяч в двести-триста. Потребует вернуть завтра. Где она деньги возьмёт? Тут мы и подойдём: поставим на счётчик или предложим списать долг, если принесёт билет из больницы либо скажет, где он лежит. Нормальная рабочая тема. Давай, делай.

Глава 8. Точка Муслима

Магазин, где Марина продала билет, формально принадлежал ИП с приличной фамилией и скучным именем. На вывеске были яблоки, корзинка и обещание свежих продуктов каждый день. Но в городе его знали как точку Муслима.

Муслим не сидел на кассе и не таскал коробки. Он приезжал раз в неделю на чистой машине, разговаривал с заведующей в подсобке и уходил, оставляя после себя запах дорогого табака. Работники его боялись не потому, что он кричал. Он как раз почти никогда не кричал. Просто после его спокойных разговоров у людей вдруг находились недостатки, просроченные договоры, долги за прошлые смены и другие неприятности.

Когда люди Лысого пришли за архивом камер, заведующая сначала попробовала возмутиться.

— У нас тут покупатели, магазин работает, я не могу просто так...

Один из пришедших даже не стал перебивать. Он молча положил на стол телефон, набрал номер и включил громкую связь.

— Да, — сказал Муслим.

— Тут женщина не понимает.

Пауза.

— Передай трубку.

Заведующая взяла телефон двумя руками. Через минуту она уже открывала дверь в маленькую комнату, где стоял старый системник с архивами видеонаблюдения.

Сивый сел за компьютер. Он не выглядел как киношный хакер. Ни капюшона, ни ноутбука с зелёными строчками. Обычный мужик в серой куртке, который знал, куда нажимать, чтобы чужие тайны перестали быть чужими.

— Дата розыгрыша минус несколько дней, — сказал он.
— Смотрим продажи билетов.

В квадратных окошках мелькала обычная магазинная жизнь: люди входили, выходили, покупали хлеб, водку, корм для кошек, ругались из-за сдачи.

Когда на экране появился Семён, Марина у кассы вдруг наклонилась вперёд и улыбнулась.

Лысый ткнул пальцем в монитор.

— Вот он?

Марина, которую уже успели позвать из зала, стояла бледная.

— Кажется... да.

— Не кажется, — сказал Лысый. — Вспоминай нормально.

Она смотрела на экран и чувствовала, как тот случайный смешной парень превращается в проблему, которая теперь уже не отпустит её саму.

Фотографию с камеры отправили Гвоздю.

Вечером в офисе Гвоздь, Лысый и Сивый обсудили то, что

удалось узнать. Они неторопливо пили коньяк.

— Ну что, Лысый, — спросил Гвоздь, — как прошло с этой девкой?

— Нормально прошло. Согласилась. Есть у меня товарищ, который убеждать умеет.

— Когда она в больницу пойдёт?

— Завтра. Как раз день посещений.

— А вы узнали, в какой он палате?

— Узнали. Их там двое, оба замотаны. Надо только понять, кто есть кто, чтобы не ошибиться. Да поди разберётся по голосу или ещё как-нибудь.

— Справится. Только следить за ней надо, далеко не отпускать, а то с билетом свалит.

— Будем ждать её у выхода. Пусть только вынесет билет или скажет, где он лежит.

— Хорошо. Завтра жду информацию.

Глава 9. Марину ломают

Ещё до вечернего доклада Лысого Марине нарисовали недостачу.

Не сразу. Сначала вызвали после смены в подсобку. Там сидела заведующая, рядом стоял незнакомый мужчина, который не представился. На столе лежали распечатки, какие-то накладные, кассовые отчёты и калькулятор.

— Марина, у нас проблема, — сказала заведующая, не глядя в глаза.

Марина сначала даже не испугалась. Проблемы в магазине были каждый день: то молоко не сошлось, то поставщик привёз не то, то покупатель устроил скандал из-за трёх рублей.

Потом ей назвали сумму.

Двести восемьдесят тысяч.

Она рассмеялась. Нервно, коротко, потому что подумала, что это какая-то тупая проверка.

— Вы серьёзно?

Незнакомый мужчина наклонился вперёд.

— Абсолютно.

— Я таких денег в руках не держала.

— Теперь поддержишь. Когда отдавать будешь.

Заведующая молчала. И по этому молчанию Марина поняла: спорить бесполезно. Всё уже решено до неё.

Ей показали бумаги. Где-то стояла её подпись, где-то не стояла, но кто теперь будет разбираться? Ей объяснили спокойно: завтра придёт проверка, потом заявление, потом полиция, потом долг всё равно останется, только уже с другими людьми.

Незнакомый мужчина кивнул на дверь:

— Пойдём, выйдем. Есть выход. Нужен один билет. Или информация, где он.

Марина стояла и не могла понять, как бумажка на сдачу превратилась в петлю у неё на шее.

— Я не знаю, где он.

— Тогда узнаешь.

— Он в больнице.

— Вот и сходишь. Ты же ему понравилась.

От этой фразы стало мерзко. Не от смысла даже, а от того, как легко чужие люди взяли маленькую, почти смешную симпатию и превратили её в инструмент.

В ту ночь Марина почти не спала. Она думала пойти в полицию. Потом представляла, как завтра возле магазина снова появятся эти люди. Представляла мать, которой придётся объяснять, почему дочь влезла в долг, которого не брала. Представляла Семёна в больнице — перебинтованного, беспомощного, ничего не понимающего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.